

НЕУМОЛКШИЙ КОЛОКОЛЬЧИК

Осенью 1972 года светловолосая молодая женщина принесла к нам в Средне-Уральское издательство рукопись, которая сразу заинтересовала всех, кто ее прочел. Это была повесть о юной учительнице, прямо со студенческой скамьи приехавшей преподавать литературу в школу за колючей проволокой, где за партами сидят уголовники, иные из которых старше нашей героини чуть не вдвое. «Найти колокольчик» — так называлась эта свежая и искренняя, похожая местами на девичий дневник рукопись, где с первых же страниц ощущалось биографическое начало. И Белла Барвиш подтвердила это в первом же нашем разговоре: да, осенью 1962-го 19-летней выпускницей педучилища она именно так вот и начала свой первый учебный год в одной из исправительно-трудовых колоний севернее Ивделя...

Было ясно: повесть надо издать. Но, Боже ты мой, какую полосу препятствий предстояло преодолеть в те годы каждому автору, мечтающему, чтобы его рукопись стала книгой. Исходной точкой этого тернистого пути был наш главный редактор Борис Львович Крупаткин — и к нему-то я и направился. Многоопытный, но чрезвычайно осторожный, читать повесть он не стал. Попросил пересказать содержание — и вынес вердикт: «Надо прорецензировать в органах».

Сказано — сделано. Рукопись направили в Управление МВД, и недели через три оттуда явился мрачноватый подполковник с коротенькой, на полторы странички, рецензией, не оставлявшей от повести камня на камне. «Автор не знает толком, о чем пишет. Рукопись оплевывает работников исправительных колоний, обливает их грязью...» А уходя, рецензент в погонах вдруг, как бы между прочим, спросил: «А кто эта Бервиш (он так и сказал — Бервиш) по национальности?» Я, конечно, знал, что она еврейка, но ответил, что не интересовался, так как это не имеет для нас, издателей, значения. «Имеет», — не согласился он — и удалился.

А я остался, размышляя, что же теперь делать. Показать главному редактору сей грозный разнос — значит поставить на повести крест. Честно говоря, мне и сегодня, два десятилетия спустя, не очень понятно, чем же вывела из себя кабинетного служаку та тонкая, всего-то в пять с небольшим печатных листов, стопка машинописных страниц. Ведь при всем суровом антураже зоны мир повести светел, в нем нет и следа той чернухи, что заполонила нынешние книги на «лагерную тему». Потому, что светел душевный мир юной Галины Глебовны,

свято верящей, что даже там, куда она попала, нет неисправимых злодеев, безнадежно потерянных для общества людей, — что в сердце каждого есть «колокольчик, который тронешь — и человек зазвонит самым прекрасным в нем». И в конце концов юной учительнице действительно удастся найти этот колокольчик, достучаться до, казалось бы, наглухо захлопнутых душ и горластого Барбакова, и сумрачного, махнувшего рукой и на себя, и на все на свете Голованова, и многих других, считавшихся неисправимыми. И когда скользкому, циничному хитрецу Никоненко удастся обмануть Галину Глебовну, которая, не ведая подвоха, под видом лекарства проносит в зону наркотик, — его разоблачают сами же заключенные, горой встав на защиту своей учительницы.

Так или иначе судьба рукописи повисла на волоске. И тут наша мать-начальница, зав. редакцией художественной литературы Ирина Алексеевна Круглик, дала мне, тогда еще редактору «без году неделя», неожиданный совет: «А вы не покажите главному эту рецензию. Вот увидите, он и не вспомнит. А там, глядишь, ветер подует и в наши паруса».

Так мы и сделали. Спрятали грозный разнос подальше, а вскоре ветер и вправду переменился. В 1973 году повесть «Найти колокольчик» напечатали в журнале «Север», появились одобрительные отклики в печати. А год спустя, в 1974-м, журнал «Советская литература», выходящий «на загранику», опубликовал «Найти колокольчик» на четырех языках сразу — английском, французском, немецком и испанском. Напечатали повесть и в Индии.

Это был успех, заставивший недоброжелателей прикусить язык. И в 1975-м — увы, наш издательский процесс растянулся тогда чуть не на год — повесть Беллы Барвиш вышла наконец и у нас в Свердловске в сборнике «Дороги», под одной обложкой с произведениями еще двух молодых литераторов. Вышла и была принята, что называется, на ура. Белла получила много писем, ее наперебой приглашали на встречи с читателями, в лекционные поездки. Мы все искренне радовались за нее, как-то незаметно ставшую за эти годы своим человеком в редакции. Радовались и сочувствовали, видя, как нелегко ей живется.

После успешного дебюта всегда ждешь интересного предложения. И новая рукопись Беллы Барвиш, которую она вскоре принесла в издательство, тематически в чем-то продолжала ее первую повесть. Действие разворачивалось в таежном поселке, где живут и трудятся переведенные на поселение вчерашние заключенные, и среди них — персонажи, знакомые нам по «Колокольчику». «Отдай мое сердце, Вишма» — так называлась эта новая повесть, в которой действовала и главная геро-

иня «Колокольчика» Галина Глебовна — теперь уже замужняя женщина и директор школы.

Были в новой рукописи выразительно очерченные характеры, драматичные повороты судеб вчерашних зеков, делающих первые неуверенные шаги в еще далеко не свободной, но по крайней мере уже не зарешеченной жизни. И однако, отмечая достоинства новой работы, и редактор, и рецензенты — на сей раз все, как один, доброжелательные — сходились в одном: «Вишма» в литературном отношении уступала первой повести Б.Барвиш. Уж слишком перенаселена оказалась рукопись и персонажами, и различными житейскими историями, не выстраивающимися в четкий сюжетный каркас, — получилось нечто вроде хроники поселковой жизни. А главное, что-то произошло с самой Галиной Глебовной, от лица которой велось повествование в «Колокольчике». Но если там душевный мир молодой учительницы был лирическим центром повести, то в новой рукописи она словно бы замыкалась в себе. А о причинах было сказано более чем кратко: неудачное замужество...

Белла, естественно, никогда не говорила об этом мне, своему редактору, но никак не близкому человеку. И только вот сейчас, прочитав ее дневник, хранимый сестрой Светланой Яковлевной, я многое понял.

...Он попал за решетку в 17 лет. Отбывал свой долгий срок в той самой колонии, куда ее прислали учительствовать. И с первых же недель стал засыпать девушку пылкими влюбленными письмами. Она не отвечала на его послания, но он был настойчив: снова и снова писал, что лишь в ней — его спасение, его надежда навсегда покончить с уголовным прошлым. И в какой-то момент девичье сердце дрогнуло...

Помню, много лет спустя у нее как-то вырвалось с горьковатой усмешкой: «Я, наверно, не столько писатель, сколько спасатель. Да и что моя жизнь без иллюзий, в которых жила больше, чем в реальности...» Сказано было совсем по другому поводу, но теперь-то я думаю, что она имела в виду и то роковое свое решение — связать жизнь с человеком, о котором в сущности ничего не знала, кроме того, что он на десяток лет ее старше. И когда его перевели на поселение, мастером на лесоповале, Белла последовала за ним. Они стали мужем и женой, два явных «диаметрала». Нет, главное свое слово тот человек сдержал — в уголовный мир не вернулся, а она помогла ему закончить техникум, но жизнь все равно не сложилась: слишком разные люди, слишком несхожие характеры. Семья распалась, когда сыну едва исполнилось семь.

Но в повести «Отдай мое сердце, Вишма» улавливаются лишь глухие отзвуки ее душевного смещения. Не в пример многим литераторам, она не хотела выплескивать свою подноготную

— пусть и в завуалированно-беллетризованном виде — на всеобщее обозрение, и, как говорится, Бог ей судья. Но, не желая придумывать своей Галине Глебовне какую-то иную личную жизнь, она невольно обеднила душевный мир героини, лишив ее той исповедальной доверительности, которой так привлекает повесть «Найти колокольчик». И не только в этом было дело. Белле советовали поубавить количество персонажей, сгустить действие, — а она со смущенной улыбкой признавалась, что «рука не поднимается» подводить под сокращение героев, за каждым из которых ей выделялись живые прототипы. И в результате «Вишма» так и не была опубликована.

В Первоуральске, куда забросили ее житейские обстоятельства, Белла Яковлевна стала работать воспитателем рабочего общежития. И тут на новом витке в чем-то повторилась ситуация ее первой повести. Сначала — конфликт, резкое неприятие забавными общежитскими старожилками настырной «воспитки», вознамерившейся что-то изменить в их привычной хмельной жизни. Потом — нелегкий путь к пониманию, доверию. Она и здесь оставалась все той же идеалисткой, выкладываясь не по службе, не по скудной зарплате, а — по душе, она и здесь старалась искать тот заветный колокольчик. Подруга, навестившая ее, вспоминает, как уважительно здоровались с Беллой Яковлевной на улице хулиганского вида детины, может, не угодившие за решетку только потому, что она успела по-своему и со знанием дела рассказать им, что их там ждет.

На редакторский стол легла повесть «У нас в общежитии». И опять все читавшие многое в ней хвалили, но дружно советовали доработать — уплотнить рыхловатый сюжет, убрать фигуры и линии, казавшиеся необязательными. Белла, как-то сразу сникнув, молча все это выслушивала, но было видно: предлагаемое «прореживание» ей явно не по душе. «Переиздали бы уж тогда мой «Колокольчик», — проговорила она, забирая рукопись.

Мы в издательстве как раз и собирались это сделать, и в 1983 году повесть «Найти колокольчик» вышла отдельной книжкой массовым тиражом. И снова, как и при первой публикации, — волна читательских откликов. Проработав редактором двадцать лет, могу засвидетельствовать: мало кто из профессиональных уральских писателей имел такую читательскую почту, как Белла Барвиш — автор единственной тоненькой книжки.

Нет, все эти годы она активно печаталась. Статьи, очерки, иногда и отрывки из неопубликованных рукописей, копившихся в ящиках письменного стола, — появлялись в газетах, в «Уральском следопыте», в самостийном журнале с вызывающе независимым названием «Пастор Шлаг», который, разумеется без-

гонорарно, ухитрялась выпускать в маленьком Первоуральске возглавляемая С.Тимориным группа энтузиастов, куда входила и Белла. Немало сил потратила она (вместе с В.Демидовой) на издание «Дневника Нины Вишняковой» — взволновавшей многих исповеди литератора-страдальцы, прожившей всю жизнь в доме инвалидов, но не склонившей головы перед жестокими обстоятельствами. Словом, работы было сверх головы — и Белла Яковлевна еще находила время руководить литдрамкружком в заводском клубе, дежурить в пункте охраны порядка — только вот книг больше не было...

На людях она бодрилась. Даже подшучивала над собой — «дирижером оркестра из одного колокольчика». И только дневнику своим неизменно ровным и четким учительским почерком поверяла неотступно гнетущее: «Писать без надежды издаться — это уже патология какая-то... Чем было мое литературство? Не домом ли улитки, куда пряталась от жизни, чувствуя свою несостоятельность в ней?»

И, перечитывая сегодня дневник Беллы, порой спрашиваешь себя: а так ли уж правы были мы тогда, ее редакторы и рецензенты? Ну да, нам, естественно, хотелось видеть ее рукописи более стройными, более тщательно отделанными. А ей не терпелось запечатлеть всю сумятицу кипевшей вокруг жизни, всю запутанность человеческих отношений и судеб, в которых она — «не столько писатель, сколько спасатель» — часто принимала живейшее участие. Законы жизни были для нее важнее законов литературы... И порой начинаешь думать: а может, надо было, не мудрствуя лукаво, печатать как есть многое из того, что она приносила в издательство? Ведь стал же примерно в те же годы литературным событием роман Л.Габышева «Одлян, или Воздух свободы», написанный совсем уж безыскусным языком, но обжигавший читателя самими картинами тюремно-лагерного бытия. А у Барвиш материал был часто не менее жгучим, литературный же уровень куда выше, чем у Габышева.

Шли годы. В стране веяли ветры перемен. И Белла Барвиш решилась наконец послать в столичный журнал повесть «Прощание с собой», которую до того показывала лишь друзьям, не без оснований считая ее непроходимой. Достаточно назвать имя героини, чтобы понять, о чем идет речь. Сарра — так нарекли девочку родители в честь погибшей в фашистском гетто бабушки. И имя это стало тяжким крестом.

Надо ли говорить, что не миновала чаша сия и саму Беллу. В детстве она сильно картавила, и это давало повод насмешкам и дразнилкам — и в приуральском поселке Суксун, где она родилась в 1943 году в эвакуировавшейся из Витебска семье служащих, и в Свердловске, куда Барвиши переехали после войны. Однако она никогда «национально не замыкалась» — круг подруг и знакомых был у нее самый что ни на есть интер-

национальный. И не столько личные болячки, сколько ненависть к антисемитизму как явлению заставила ее затронуть в повести эту большую тему.

Впрочем, не только эту. Героиня «Прощания с собой» — молодая сотрудница районной газеты — сталкивается в своих редакционных маршрутах и с без вины виноватыми российскими немцами, сосланными в военную пору «за национальность» на таежный уральский Север да так и застрявшими там. Немало горьких и гневных слов о завравшихся бесстыжих газетчиках приходилось слышать Сарре от доярок колхоза, куда ее направили «прославлять» очередного передовика, чьи заслуги оказываются дутыми...

Все наболевшее, все, о чем столько лет приходилось молчать, выплеснулось в этой повести, на которую Белла Яковлевна возлагала немалые надежды. Потому и послала сразу в Москву. Тем больней был удар: под вежливым предлогом «перегруженности редакционного портфеля» столичный журнал отклонил рукопись.

И снова — хождения по редакциям. В конце концов издатель все же нашелся. «КЛИП» — одна из первых альтернативных газет, начавших выходить в Екатеринбурге, решила издать «Прощание с собой» отдельной книгой. Уже был выписан аванс, но его уже некому было получить: Белла Яковлевна лежала в больнице, не в силах даже написать доверенность. Операция не помогла, метастазы вгрызались все глубже... Майским днем 1992 года Беллы Барвиш не стало. «Умолк колокольчик» — так озаглавила свой некролог первоуральская городская газета.

Можно понять убитых горем родных: им было в те дни не до рукописи. А когда вспомнили о ней, — оказалось, что по какому-то зловещему совпадению «КЛИП» в эти самые недели растаял как дым. Редактор куда-то уехала, сотрудники разбрелись, а подготовленная к печати повесть бесследно исчезла. У родных не осталось ни одного экземпляра...

...Я уже заканчивал эти невеселые заметки, когда в издательстве мне вручили письмо семиклассницы из Ирбита. «Мне очень понравилась книга Б.Барвиш «Найти колокольчик». Уважаемый редактор, напишите мне ее адрес». И я ответил девочке: «Дорогая Аня! К сожалению, у Б.Барвиш больше нет адреса: вот уже три года как она не проживает на планете Земля. Но живет, не старея, ее книга, и одно из доказательств этого — твое письмо. И значит — «Колокольчик» не умолк!